

Константин Фрес

Останься со мной

УДК 7.04
ББК 85
Ф87

Фрес К.

Ф87 Останься со мной / Константин Фрес. – М.: Литнет, 2026. – 238 с.

ISBN 978-5-521-99354-3

Он – взрослый, успешный, циничный, многоопытный. В его мире не существует любви, он не верит в искренность и не желает отношений. Он – Акула, хладнокровный хищник. Она – взбалмошная студентка, капризная и избалованная. Впереди ее ждет блестящее будущее, учеба в престижном вузе, жених-олигарх и весь мир. Казалось бы, что может быть общего между этими двумя такими разными людьми? Только то, что она послана ему как наказание за все прегрешения.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99354-3

© Литнет, 2026
© Фрес К., 2026

Глава 1. Лассе

– Лассе Янович, ваш заказ прибыл.

Мужчина поморщился, словно у него болели зубы.

Русифицированная версия его имени отчего-то каждый раз цапала его слух, раздражала, он не смог привыкнуть к ней даже за пару лет.

К тому же, секретарь каждый раз произносила его имя с заметным чувственным придыханием, – Ла-ассе, – глубоким, низким, бархатным голосом, настолько чарующим, что и сирены, соблазняющие аргонавтов, позавидовали бы.

«Ла-ассе», – шептала она, соблазнительно раскрывая рот с кроваво-красными губами, и более-менее живое воображение без труда рисовало ее, извивающуюся, словно змея, на столе, коварно подбирающуюся поближе к боссу.

Но тот оставался холоден ко всем ее ухищрениям, и одного его взгляда – острого, обжигающе-холодного, свирепого, – хватало на то, чтоб унять фривольные мечты в душе девушки-секретаря.

Пожалуй, он способен был бы рассеянно воткнуть карандаш в бессовестно раскрытый рот, всем своим видом показывая, что прелести чаровницы имеют для его значения не больше, чем вот этот серенький пластиковый стаканчик для офисной канцелярии.

А после – нарочно не заметить слез смущения и стыда, прикинувшись непонимающим.

Жестко и бездушно, да. Но зато все сразу понимали, чего от него можно ожидать.

Большого унижения и вообразить себе было невозможно.

А злые языки поговаривали, что красавчик Лассе – высокий, черноволосый, с пронзительным взглядом светлых серых глаз, острый, внимательный, хищный, опасный до дрожи в коленках, до обморока, – однажды сделал нечто подобное, и потому девиц, желающих подкатить к нему, становилось все меньше.

Об его ледяной взгляд обжигались многие.

Лассе был привлекателен и интересен, но даже не своей красотой, которую вскоре после его прихода на фирму оценили и обсудили все сотрудницы, а своей отстраненной, свирепой холодностью и пренебрежением по отношению к женщинам.

Этакий непокоренный бастион – все знали, что, несмотря на приближающийся сорокалетний рубеж, Лассе не был женат, и постоянной подруги у него не было.

Злой насмешник, ироничный и высокомерный, он иногда вспыхивал любопытством к той или иной девушке, но тут же угасал, глядя, как девушка бесхитростно кокетничает в ответ.

– Благодарю, София Павловна, – холодно и сухо отвечает он, склонившись к документам и делая вид, что занят.

Сейчас слушать восторженный щебет секретаря и ловить на себе ее влюбленные взгляды ему не хотелось совершенно, а девушка уже была готова к тому, чтоб растечься сладкой лужицей, млея от умиления.

Его заказ – не бизнес-ланч, не подарок для бизнес-партнеров и не и не какая-нибудь волнующая воображение мелочь для свидания вроде бутылки дорогого вина и цветов. Нет.

Огромный плюшевый белый медведь с красным бантом на шее.

Мягкий и славный, упакованный в прозрачную блестящую пленку и увешанный розовыми бантами, свернутыми из нарядных упаковочных завязок, сидел он теперь в кресле для посетителей, задумчиво склонив умильную морду с блестящими хитрыми глазками, расставив в разные стороны лапы с розовыми толстыми пятками.

Таких медведей дарят юным девушкам, желая выказать свое трепетное отношение.

Ты сама еще словно ребенок, как бы говорит подарок. Счастливица должна заливаться румянцем и кидаться на шею, умиляясь и восторгаясь одновременно.

Но нет.

Все прекрасно знали, что медведей всех возможных расцветок и размеров Лассе скупает для своей племянницы, маленькой дочери брата, Мишель. И от того, с каким тщанием Лассе выбирает игрушки и уточняет тысячу раз, не повредит ли подарок ребенку, сотрудницы млели еще больше.

Наверное, это было очень трогательно и по-своему беззащитно и так по-человечески уязвимо, когда хладнокровный хищник Лассе – Акула, как назвал его кто-то когда-то, но кличка прилипла намертво и прижилась, – заботливо и обеспокоенно переспрашивал о том, не будет ли у малышки аллергии на мех, и не красятся ли бантики и рюшечки.

Только в эти моменты, которые секретарь тайком подсматривала, в Акуле было видно живое человеческое чувство.

Он позволял себе расслабиться, выбраться из непроницаемой ледяной скорлупы и побыть нерешительным, растерянным, колеблясь в выборе.

Он волновался, несколько раз переспрашивая о достоинствах плюшевого красавца, размышляя, а понравится ли его подарок маленькой избалованной девчонке, и радовался, как маленький, увидев игрушку в своей приемной.

Вечером он уходил с работы, зажав подмышкой подарок, и на лице его была мягкая, трогательная улыбка.

Видно было, что к девочке – Мишель – он относится с особым трепетом, рассматривая в ней тень того, что у него самого в жизни не сбылось – семья, дети.

Он тянулся к этому, искренне желал, но отчего-то не отваживался построить.

Может, прислушиваясь к своему сердцу, слышал лишь мертвенное холодное равнодушие, и не хотел себя связывать прочными узами с безразличной ему женщиной, кто знает.

Секретарь тайком вздохнула, поправляя очки в красивой модной оправе, бросила на босса еще один призывный взгляд, и вышла, томно покачивая бедрами, обтянутыми слишком узкой юбкой.

Впрочем, он оставил безо всякого внимания ее игривую походку милой кошечки и даже не поднял головы от бумаг.

У Лося дома было шумно, маленькая Мишель где-то в комнатах верещала, словно ее пятки щекотали десятки пальцев.

Лассе, раздеваясь и оставляя легкую куртку в прихожей, прислушивался к детскому веселому визгу с улыбкой.

От этой проказницы можно было ожидать чего угодно, но, скорее всего, на данный момент эта маленькая мошенница развлекалась тем, что с ветерком каталась по рабочему кабинету верхом на отце, оседлав его плечи и колотя в восторге пятками, понукая импровизированную лошадку.

– О, еще один медведь, – подытожила Анька, встречая гостя и рассматривая очередной подарок для дочери. – Рекордного выловил, матерого. Вот женишься, родишь пацанов – и я весь твой дом акулами завалю, огромными, скользкими и резиновыми. Будут в бассейне плавать.

– Нет, это не для меня, – щуря светлые глаза, снисходительно ответил Лассе, посмеиваясь.

Порой ему самому было смешно, когда родственники принимались примерять на него семейную жизнь с ее незамысловатыми радостями.

Семья брата казалась ему чем-то невероятным, сказочным, волшебным, тем ярким и нарядным праздничным миром, куда его пускали на недолго, всего лишь посмотреть и хоть немного отогреться. Но себя он в таком мире не видел.

– Тю! – насмешливо присвистнула Анька. – Не для тебя! А для кого? Ну, айда Лось племянников у Санты попросит. Нет, у этого... Йоллопуке! Сразу мешок тихих послушных болванчиков. На Рождество, как хороший мальчик, их получит.

– А он хороший мальчик? – посмеиваясь, потирая слегка озябшие ладони, ответил Лассе, и Анька снисходительно кивает.

– Настолько, что ему даже позволят быть первым в упряжке Санты, – ответила она. – Ну, проходи, теперь твоя очередь развлекать Мишку. Лось уже лежит пластом, а у нее, кажется, вечный двигатель. Надо б запатентовать.

Несмотря на все прошлые разногласия с братом и его женой Анькой, Лассе любил бывать у них дома.

Любил запах домашней еды – Анька оказалась отменным кулинаром, и своего любимого сохатого откармливала как на убой, – любил тепло и шумную детскую возню, от которой счастливые родители порядком уже устали.

Маленькая Мишель – когда наступали редкие минуты покоя, – обычно возилась со своими игрушками у камина, на порядком вытертой от чрезмерной любви медвежьей белой шкуре. В свете танцующих алых сполохов она или рассматривала яркие картинки в книжках, либо, сосредоточенно надув щеки и выпятив губу, тщательно рисовала усы глянцевым красавицам утащенной у отца авторучкой.

Она и сейчас возилась у камина, разбросав игрушки, вереща и вопя во все горло, борясь и явно побеждая... кого?

Лассе даже встал на пороге, слегка озадаченный, потому что на медвежьей шкуре боролись и верещали два ребенка, а подарок у него был только один.

– Племяшка моя, двоюродная, – пояснила Анька, пробегая мимо остолбеневшего Лассе. – Из приличной семьи девочка. Жених – сын олигарха, да-да-да. Поступать будет в этом году. Ну, чего встал? Проходи, знакомься...

Лассе машинально сделал несколько шагов, сжимая подарочного медведя.

Тот предательски зашуршал упаковкой и Мишель, уловив знакомый звук, сулящий ей сюрприз, оставила свою поверженную жертву и бросилась с криком к Лассе, протягивая ручонки к яркой игрушке.

– Мне, мне! – вопил этот чертенок в нарядном платьице и в беленьких носочках, подпрыгивая так, что банты в ее темных волосах потеряли всякий вид и уныло висели, готовые вот-вот соскользнуть с тонких косичек.

– Тебе, конечно, – ответил Лассе, чуть склонившись и вручая ей медведя – и снова перевел взгляд на девушку, напряженно замершую у камина, с подчеркнуто-ровной спиной и испуганно-настороженным взглядом.

Если б Анька не сказала, что девушка решила осенью поступать, Лассе подумал бы, что та собирается сделать карьеру модели.

По крайней мере, все данные для этого у нее были; взглядом знатока Лассе оценил красивые светло-русые волосы, умопомрачительно длинные ноги, обтянутые узкими джинсами, стройное хрупкое тело, чистую, очень теплого, приятного оттенка кожу, и бирюзовый взгляд невероятной силы.

Девчонка с характером, это было видно сразу, немного неуклюжая и угловатая, но это оттого, что рост ее тоже был модельный, и она наверняка комплексовала по этому поводу.

Дылдой, небось, дразнили в детстве?

Почему-то бросались в глаза ноготки на босых ногах, накрашенные ярко-вишневым лаком, насыщенные красные пятна. Как хулиганство; как вызов. Лак, не гармонирующий ни с чем в ее образе. Спрятанная от посторонних глаз изюминка.

Эти ножки легко представить танцующими на морском берегу, на белом песке, но никак не топающими по московской слякоти.

Лассе знал толк в женщинах; сколько их у него было?

Сотня, чуть больше? Но таких вот, юных, свежих и дерзких было, пожалуй, считанные единицы. Соблазнять таких просто – они сами готовы любить весь мир, еще не обломанные, не знакомые с суровой действительностью, – и чувства их сильнее всех.

Самые первые, самые горячие, словно только что из горнила. Ссоры, примирения – все с криками, с темпераментными трагедиями.

Такие юные еще верят, что именно их история – самая уникальная и самая важная в этом мире.

Такие дарят себя неистово, и это действительно прекрасный дар.

Лассе даже хмыкнул, скрещая руки на груди и опуская лицо, чтоб скрыть улыбку, полную смущения оттого, что это чистое существо с настороженным взглядом внезапно навяло на него столько воспоминаний и показалось ему очень привлекательным – а он, в свою очередь, понравился ей.

Это он понял по тому, как девушка заалела под его изучающим взглядом, как оправила оборки ультрамодной блузочки на девичьей груди – небольшой, аккуратной, приятной...

Наверняка эта грудь удобно ляжет в ладонь.

Лассе тряхнул головой, отводя от девушки взгляд, прогоняя недопустимые хищные мысли. Ну, в самом деле, девчонка хороша, но Анька правильно сделала, что сразу расставила все точки над i, сказав, кто эта девушка, и кто у нее жених.

По отношению к таким девушкам нельзя позволять даже тени тех мыслей, которые посетили голову Лассе только что.

Эта девушка с роскошным телом, с соблазнительными бедрами, с длинными ногами, которые Лассе был бы не прочь закинуть себе на плечи, по сути, была еще ребенком, и трогать ее – да и вообще относиться к ней как к хорошенькой женщине, – просто недопустимо.

Однако, у девчонки на то были свои взгляды.

Видимо, она недавно только осознала свою привлекательность и женственность; и хотела ими насладиться сполна, покуда олигарх-жених не запер ее в четырех стенах.

Девушка жаждала поклонников и восхищения, она хотела нравиться – это Лассе увидел в ее ярких глазах, – и ему, взрослому яркому мужчине, она хотела нравиться особенно, особенно после того, как он невольно выказал заинтересованность.

«А надо было аккуратнее пялиться на ее задницу», – весело подумал Лассе, усаживаясь за стол и наблюдая, как девчонка прихо-

рашивается, откидывает волосы с гибкой белой шейки. Если вы, девушки, думаете, что эти штучки на мужчин не действуют, то нет. Действуют. Но вида вам никто не подаст, потому что не хочется признаваться, что растаял вот так, запросто.

Его место было прямо напротив юной прелестницы, и Лассе, прикусывая крепкими зубами кусочек хлеба, едва сдерживал смех, наблюдая незатейливые ухищрения девушки, которая то поправляла сережки в маленьких розовых ушках, то рассматривала в круглое зеркальце свои губки, подкрашенные розовой помадой.

– Здрас-сьте, – протянула она неприветливо, обращаясь к Лассе, когда Анька в очередной раз сделала страшные глаза и погрозила ей пальцем. – Лера!

Она произнесла свое имя – красивое, весеннее, нежное, – чуть нараспев, совершенно по-девичьи закатив глаза, всем своим видом показывая, что знакомиться и говорить с незнакомым мужчиной ее именно заставляют.

Она церемонно протянула ему через стол руку – худенькую, с совершенно хрупким, словно фарфоровым запястьем и такими же прозрачными, длинными пальцами с остренькими ногтями, – и Лассе, ухватив ее тонкую кисть, несколько раз энергично встряхнул ее, да так, что все тельце девушки ходуном заходило.

– Лассе, – сладеньким доброжелательным голосом произнес он, разжимая пальцы.

Девушка вспыхнула гневным румянцем; в ее руке, в яркой блестящей обертке, остался леденец, конфета, которую Лассе наверняка приберег для Мишель, чтобы отдать тайком от матери. Теперь этот леденец, конфета для ребенка, лежала в руке, и Лассе, одним этим жестом указавший девушке ее место, чуть слышно посмеивался.